

Что ищет он в стране далекой?

ГОСТЬ ЯРОСЛАВЛЯ

Ямадзи Асута – японский лермонтовед. В понедельник он выступил с докладом в ярославской библиотеке имени Лермонтова на очередных ежегодных Лермонтовских чтениях. Из уважения к необычному гостю его выступление поставили в самом начале программы, сразу после доклада старшего научного сотрудника библиотеки Академии наук, заведующей Лермонтовским кабинетом Института русской литературы (Пушкинского дома) Ольги Валентиновны Миллер.

Я сидела неподалёку и видела, как в ожидании своей очереди Асута перебирал листочки и руки его дрожали. Впрочем, он быстро овладел собой. Вытянул ноги чуть вперёд, тесно их сдвинул – пятки вместе, носки вместе – и чуть пошевелил ступнями в мягких коричневых полуботинках. Может, это какой-нибудь тайный японский приём, может быть, собственное изобретение Асуты, не знаю, но руки дрожать перестали. Он бросился к трибуне быстрой, летящей походкой и негромким, уверенным голосом, по-моему, без единой оговорки прочёл свой доклад о «Герое нашего времени».

А если бы вам пришлось выступать где-нибудь на Хоккайдо о творчестве Мураками, причём по-японски, вы бы не волновались?

Ямадзи Асута молод. Не женат. Но, по его словам, надеется, что скоро женится. Мне не хотелось, чтобы его интервью для «Северного края» носило литературоведческий характер, и я попросила, чтобы он для начала рассказал, кто его родители, из какой он семьи.

Как оказалось, папа у него на пенсии, раньше работал преподавателем французского языка и сейчас продолжает изучать французскую литературу. Мама – домашняя хозяйка. У Асуты четыре сестры, все младше его.

– Как возник интерес к России?

– Когда мне было лет одиннадцать-двенадцать, папа работал во Франции, и я поехал к нему в гости. Это было первое большое путешествие в моей жизни. Самолёт летел через Москву, и я впервые увидел вашу страну, тогда ещё СССР. Между нашими государствами существовала стена, всё здесь казалось загадочным.

Асута с любопытством смотрел вокруг. В Японии принято улыбаться даже незнакомым людям, сопровождать

улыбкой и лёгким поклоном самую незамысловатую житейскую беседу: как найти куда-то дорогу, где находится магазин и т. п.

– Поэтому первое, что тогда бросилось в глаза, – у вас без смысла не улыбаются. Интересно, подумал я, что они думают? Как живут? Мне захотелось это узнать. Когда я вырос и поступил в университет, там нужно было выбрать второй иностранный язык, и я выбрал русский.

– До того вы читали какие-то русские книги?

– Достоевского, очень немного.

– В переводе?

– Конечно, – смеётся он.

– Многие ли знают в Японии Лермонтова?

– У нас читают Толстого, Чехова, Достоевского. Порядок популярности, я думаю, такой. А Лермонтова – после Пушкина. Они всё-таки поэты, переводить поэтов трудно.

– А почему потом выбрали для своих исследований Лермонтова? И не что-нибудь, а «Героя нашего времени» – произведение, в котором российские литературоведы до сих пор до конца не разобрались и по поводу которого продолжают спорить.

– Это очень загадочный роман. Мне хочется его понять. Меня привлекает сложность.

Чего-чего, а сложности Асута действительно, похоже, совсем не боится. Знаете, как он сформулировал тему своего доклада? «Осмысление места и значения главы «Фаталист» в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». И так потом то и другое осмыслил, что оставалось только руками развести: с цитатами из Набокова, с параллелями романа и лермонтовской лирики...

Я вспомнила японскую студентку, которая года два назад стажировалась в Ярославле по русскому языку. На вопрос, что ей кажется самым трудным, она призналась: сти-

фото Вячеслава ЮРАСОВА

хи. Для японского уха чуждо само понятие рифмы. Правда ли это, спрашиваю Асуту, и вообще как он относится к стихам?

– Для меня это тоже было трудно. Сейчас, когда я могу читать по-русски, другое дело. Когда стихи запоминаешь наизусть, то постепенно они становятся понятны. Но, честно говоря, я не очень часто читаю стихи даже на японском.

Асута Ямадзи – преподаватель русского языка в политехническом институте города Муроран, докторант кафедры русской литературы Хоккайдского университета. На вопрос, насколько популярен русский, отвечает откровенно: самый популярный

язык английский, он же для студентов – основной иностранный. В качестве второго иностранного чаще всего выбирают китайский, за ним идут немецкий, французский, русский. Многие зависят от того, откуда эти студенты и в каких местах они хотели бы потом работать.

– Если на острове Хонсю русский язык меньше востребован, то у нас на острове Хоккайдо торгуют с русскими, связи довольно активные, и язык, конечно, нужен.

– Япония – страна высоких технологий. А как живётся в ней учёным-филологам?

– В Хоккайдском университете раз в год проходят научные конференции по русскому языку и русской лите-

ратуре. Материалы этих конференций печатаются в журнале, который выходит по их итогам, я уже опубликовал там несколько статей. В университете есть специалисты, изучающие немецкую, английскую, французскую литературу. Но после недавней реформы образования найти работу аспирантам трудно. Аспирантов становится больше, а работы меньше. Поэтому я как преподаватель русского языка тоже работаю не каждый день. У меня есть научная работа. Это не хобби. Как бы я ни был ею увлечён, это нужно и для карьеры. Для будущего.

Асута охотно поддерживает разговор о культуре в более широком смысле слова.

Япония, по его словам, уже давно склоняется к западной культуре. Люди предпочитают обычную для западного мира одежду, на фестивалях и праздниках можно увидеть женщин в кимоно, но это скорее исключение.

– После Второй мировой войны к нам пришла американская культура. Особенно сильно влияние американской и европейской культуры стало ощущаться с 1980-х годов. Я родился в городе Киото. Там остались здания древних храмов – буддийских, синтоистских. Прошлое не уходит. Японский образ жизни тоже остаётся. И это хорошо, – убеждённо заканчивает Асута свою маленькую речь.

Татьяна ЕГОРОВА